

И „елицы во Христа крестяшася, в Христа облекошася“, да не отступают от заповедей его. Не яко же лестыцы и блазнители по крещении оставяша заповеди божиа и льстяще ся мира сего красотами, но яко же святии пророцы и апостоли, тако же и мученицы и вси святии, Христа ради пострадавша в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроених, в трудах, в бдениих, в пощених, в очищених, в разуме, в долготерпении, во благодисти, в душе святе, в любви нелицемерне, во словеси истинне, в силе божиен, — иже сведоми суть единому, ведущему тайны сердечныя, ими же землю просветил еси, яко же бо небо звездами украси, и почьти их чудотворенми, овых убо молитв ради и покаяния и трудов, овых же мужества ради и смирения, яко же сих святых прослави, о них же нам слово предлежит.

I

Сеи убо в русистей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодержавьствуя благоверный князь, яко же поведяху, именован Павел. Искони же ненавяди добра роду челоуечю диавол всели неприязненаго летящаго змия к жене князя того на блуд. И являся ей своими мечты, яко же бяше естеством, приходящим же людем являшася, яко же князь сам седяше с женою своею. Теми же мечты многа времена преидоша. Жена же сего не таяше, но поведа князю мужеву своему вся ключившася ей. Змию же неприязненыи осиле над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сотворити, и недоумеяшася. И рече к жене се: „Мыслю, жено, но недоумеюся, что сотворити неприязни тому и смерти убо не вем, како нанесу на нь. Аще убо глаголет к тебе какова словеса, да воспросиши его с лестию и о сем: весть ли и се неприязневыи духом своим, от чего ему смерть хошет быти. Аще ли увеси и нам поведаеши, свободишися не токмо в нынешнем веце злаго его дыхания и сипения и всего скаредия, **его же** смрадно есть глаголати, но и в будущи в век нелицемернаго судию Христа милостива себе сотвориши“. Жена же мужа своего глагол во сердци си твердо примыши и умысли во уме своем: „Добро есть тако быти“.

Во един же от дний неприязнивому тому змию пришедши к ней. Она же добрую память при сердци имея, глагол с лестию предлагает к неприязни той, глаголя многия и иныя речи и по сих с почтением воспроси *велича* его, хваля, рече, яко „много веси, и веси ли коньчину си, какова будет и от чего?“ Он же неприязнивыи прелестник прелщен добрым прелщением от верныя жены и яко непщева тайну к ней изрещи, глаголя: „Смерть моя есть от петрова плеча, а от агрикова меча“.

Жена же, слышавши таковую речь во сердци си твердо съхрани и по отшествии неприязниваго того поведа князю мужеву своему, яко же рекл есть змию. Князь же то слышав и недоумеяшася, что есть смерть от петрова плеча и от агрикова меча. Имелаше же у себе присного брата,